

Анастасия Полярная

СЛОВО О ВЕРЕ
ЯЛЕСЕБЕВНЕ
ЗЯШИХИНОЙ

О великой
народной
целительнице
Русского Севера

Анастасия Юльевна Полярная Слово о Вере Алексеевне Зашихиной. О великой народной целительнице Русского Севера

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=24205706

*Слово о Вере Алексеевне Зашихиной – великой народной целительнице
Русского Севера / А. Ю. Полярная: Издательский дом «Сказочная*

*дорога»; Москва; 2016
ISBN 978-5-4329-0088-3*

Аннотация

В книгу вошли воспоминания разных людей об этой удивительной женщине – известной северной целительнице Вере Алексеевне Зашихиной. Автор книги Анастасия Полярная познакомилась с Верой Алексеевной в 2004 году, после чего старалась посещать её ежегодно. Во время последней встречи в июле 2010 года Вера Алексеевна благословила Анастасию написать о ней книгу. Впервые побывав на Русском Севере в студенческие годы, Анастасия на всю жизнь полюбила этот край и теперь приезжает в Архангельскую область по несколько раз в год. Сама она москвичка, окончила филологический

факультет МГУ им. М.В. Ломоносова, аспирантуру МГУ;
кандидат филологических наук, молодой учёный, преподаватель.

Содержание

От автора	7
С верой в чудо	9
Конец ознакомительного фрагмента.	56

Анастасия Полярная
Слово о Вере Алексеевне
Зашихиной – великой
народной целительнице
Русского Севера

*Великой народной целительнице Архангельской
земли – Вере Алексеевне Зашихиной – посвящается
эта книга... Низкий ей поклон и вечная память
благодарных людей*

© Издательский дом «Сказочная дорога», оформление,
2016

* * *

От автора

Об уроженке Русского Севера – Вере Алексеевне Зашиной, жившей в глухой архангельской деревне, знали многие, встретившиеся с бедой, по всей России. Вера Алексеевна была человеком, отмеченным Божьим даром. Долгие годы она безвозмездно помогала людям: недугующим, страждущим, отчаявшимся... Болящие получали исцеление, усомнившиеся укреплялись в вере, опечаленные находили утешение, мятущиеся душою обретали покой, а обречённые – лёгкую и безболезненную кончину. Своей духовной работой, силой молитвы она исцеляла людские недуги, а если была не в силах помочь, сразу говорила об этом.

От своего имени и от имени людей, получивших от Веры Алексеевны помощь, выражаю глубокую благодарность всем, кто помог в создании книги: прежде всего Анатолию и Валентине из Москвы, которые откликнулись одними из первых и взяли на себя основную финансовую нагрузку при первом издании рукописи и оказывали содействие в её подготовке; Василию С. из Сыктывкара; Валентину Александровичу Колодкину и Георгию Джиджоеву из Красноборска.

Выражаю благодарность родственникам Веры Алексеевны, поделившимся своими воспоминаниями о ней, предоставившим материалы и фотографии, а также очень тепло принимавшим меня: сыновьям Александру, Анатолию и

Владимиру Зашихиным и их жёнам: Юлии, Марине, Людмиле Зашихиным и Валентине Сметаниной; внучкам Светлане и Вере Зашихиным, Екатерине Зажигиной, Ольге Вилковой (в девичестве Зашихиной); внукам Ивану и Алексею Зашихиным.

Благодарю жителей Белой Слуды и Красноборска: Валентину Павловну Зашихину, Татьяну Петровну Комову, Людмилу Николаевну Борисову за гостеприимство, понимание и помощь; таксиста Александра Жальского за транспортные услуги; архангелогородку Лидию Викторовну Любимову; москвичку Валентину Петрову за компьютерную помощь при подготовке рукописи, а также всех откликнувшихся, нашедших время поделиться в устном или письменном виде своими историями, связанными с Верой Алексеевной.

Спасибо за понимание важности этой книги всем, кто принял участие в её создании.

С уважением, Анастасия Полярная (Полторацкая)

С верой в чудо Нам не дано предугадать... а она ведала

АНАСТАСИЯ ПОЛЯРНАЯ, КАНДИДАТ ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ НАУК, МОСКВА

10 сентября 2010 года не стало Веры Алексеевны Зашихиной. Имя этой удивительной женщины широко известно по всей Архангельской земле и далеко за её пределами.

Эта простая русская бабушка обладала уникальным даром. Она видела недуг и его причину; лечила людей молитвой и исцеляла. Молва о ней шла не один десяток лет как о самой сильной северной народной целительнице нашего времени. Из разных уголков страны (Архангельска, Северодвинска, Котласа, Вельска, Онеги, Сыктывкара, Усинска, Ухты, Нарьян-Мара, Кирова, Санкт-Петербурга, Москвы и других городов) и даже из-за границы, невзирая на расстояние, люди ехали к ней за помощью с надеждой и верой в чудо. Ехали тогда, когда охватывала безнадёжность: одолевал тяжёлый недуг или душевная боль. «Врачи не всегда знают, что с человеком происходит, а она ведаёт», – в один голос говорили о ней люди. Как известно, народная молва пустой не бывает.

Более двадцати лет почти каждый день, кроме церковных

постов, Вера Алексеевна Зашихина безвозмездно принимала людей.

В райцентре, селе Красноборске, о Вере Алексеевне знал каждый; почти каждый второй житель хотя бы раз бывал у неё за рекой. Паромщики, перевозившие страждущих на другой берег Северной Двины, где жила целительница, считали своей обязанностью объяснять им, как найти её деревню Середовину. Это название было известно далеко не всем, добравшимся к Вере Алексеевне; ориентиром служило село Белая Слуда.

Дорога на Белую Слуду была знакома и журналистам. Несмотря на то, что Вера Алексеевна избегала широкой огласки, о ней иногда выходили статьи и телепередачи. Но никому не удалось разгадать феномен её дара. Не удаётся это и науке. Знала ли она его сама?

Возможно, этой женщине были доступны древние сакральные знания наших предков, благодаря чему она улавливала в природе тонкие энергии и пропускала через себя. Современным людям трудно судить о том, как это происходит, но некоторые обладатели тонкой душевной организации чувствуют их на уровне интуиции.

Издревле Русский Север – край загадочный, край, который открывается не каждому, с его необъятными просторами, дремучей тайгой, светлыми сосновыми борами, непроходимыми болотами и могучими реками, – хранил накопленное веками наследие. По сию пору здесь живы былинные традиции Древней Руси. Ещё остались в северной заповедной глуши люди, которые чувствуют силу Природы и обладают особым даром целительства, – это и травники, и знахари, и ясновидящие...

О Вере Алексеевне Зашихиной следует говорить особо: эта женщина была глубоко верующим человеком и человеком избранным, которому открыто неподвластное простому смертному.

Она не только исцеляла и облегчала боль силою вверенного ей дара, – ей было дано большее: видеть Истину и вести за собой людей к вере христианской. Вера Алексеевна знала нечто такое, благодаря чему, даруя свет другим, она сама оставалась Светом.

Не случайно так о ней вспоминают люди: «Когда я с ней разговаривала, я ощущала, что со мной что-то происходит:

то ли раскрываются глаза, то ли появляется какой-то свет... Мои ощущения были: свет перед глазами, светлая аура. И непередаваемое облегчение...» (из рассказа Светланы Николаевны Неумоевой, село Белая Слуда).

Встреча с Верой Алексеевной стала для меня знаковой. Я соприкоснулась в жизни с тем, о чём лишь читала в книгах, преимущественно в литературе житийной, и была поражена, увидев воочию проявление божественной силы.

Перед моими глазами – вереница людей, чудесным образом получивших помощь от Веры Алексеевны. Говорят, что она помогала тем, кто шёл к ней с верой. Но можно ли не уверовать, когда на глазах происходит чудо? И надо ли пытаться его объяснять, искать разгадку целительского дара Веры Алексеевны?

Эти вопросы останутся за пределами моей книги.

Душевное потрясение, укрепившее мою веру в Божественное, Высшее начало в мире и в этой северной бабушке, сподвигло меня рассказать о ней...

* * *

Мне посчастливилось не раз побывать у Веры Алексеевны. Впервые я услышала о ней летом 2004 года на родине художника А. А. Борисова, в селе Красноборске.

«А у нас за рекой, за широкой Двиной, живёт бабушка-знахарка, славная по всей области: к ней едут не только

наши архангельские, но из всех уголков страны», – шепнул мне местный рыбак.

Мы смотрели на серую воду, на качающиеся бакены, на далёкие боры за рекой, и разлитое в вечерней природе умиротворение наполняло душу; в ней воцарялись покой и благодать...

Этим тихим прозрачным вечером я почувствовала непреодолимое желание посетить таинственную бабушку.

Паром отчаливал в семь утра.

Дул сильный порывистый ветер.

Мы медленно огибали многочисленные песчаные отмели на Северной Двине, а красноборская пристань оставалась позади.

Где-то через час наш паром причалил в Дябринском покое¹. Меня подобрал уазик, едущий в сторону Белой Слуды, прозванной современным царством белого гриба.

Не доезжая до села, водитель затормозил.

Мне оставалось пройти приблизительно шесть километров до деревни Середовины.

---

¹ Полой – ответвление от основного русла реки (сев.). – Здесь и далее прим. автора.

Я шла через поля с душистыми злаками и прозрачные сосновые боры, выстланные ковром из лазоревого беломошника, и мною овладевало ощущение, что эта дорога ведёт в далёкое прошлое, к временам первозданного единения человека с Природой: столь непривычные гармония и покой царили повсюду! Невольно вспомнились строки Дмитрия Ушакова:

Я забираюсь в бурелом
И замираю вдруг, опешив, —
Такое таинство кругом.

Я поклоняюсь вновь и вновь
Реке и лесу – двум былинам,
Творящим к родине любовь².

---

² Из стихотворения Д. Ушакова «Который год по тропкам росным...».

«Сколько же здесь белых грибов! – подумала я. – Неслучайно эти места объявили их царством». Но что же будет здесь лет через двадцать? Не вытопчут ли, не вывезут ли всё? Ведь равновесие в Природе трагически нарушено современным человеком-варваром, устройтелем и рабом прогресса...».

А вот и сама Белая Слуда³ – красивое село, расположенное на высоком обрывистом берегу Двины. А внизу – насколько хватает взгляда – раскинулись заливные луга с многочисленными озёрами; вдалеке, за пятнадцать километров, виднеется Красноборск, и даже можно разглядеть дальнейшее село Телегово, в котором некогда находился древний монастырь, а сейчас остались лишь развалины приходского храма.

Иду дальше. Вот и старое сельское кладбище по левую руку. За ним чуть поодаль белеет церковь с разрушающейся кровлей и проржавевшими куполами. От ограды уцелели лишь красивые полуразрушенные столбы старинных ворот.

---

³ Слово «слуда» означает «обрывистый берег».

Церковь в Белой Слуде, построенная в честь Владимирской иконы Божьей Матери

Подхожу к церкви.

Двери оказались незапертыми.

Внутри сохранилось несколько фресок; на сколоченных из досок столах лежали иконы, очевидно принесённые местными жителями. В основном это были иконы святых-целителей, возле них стояли восковые свечи и лежали переписанные от руки тексты молитв. Здесь в основном молились о здравии.

«Может, по пути к Вере Алексеевне люди приворачивают в этот храм», – подумала я.

Вспомнилась связанная с этой церковью трагическая история, которую мне однажды поведала Надежда Ивановна Долгодворова, искусствовед из Сольвычегодска.

* * *

В годы Гражданской смуты в белослудской церкви, воз-

двигнутой в честь Владимирской иконы Божьей Матери, служил один молодой священник, очень светлый и праведный.

Однажды в эту местность нагрянул отряд Хаджи-Мурата⁴. Красноармейцы расположились в окрестных деревнях, дабы решать продовольственную задачу, изымая у крестьян хлеб в фонд помощи голодающего пролетариата Центральной России.

Одному из бойцов приглянулась совсем ещё юная девочка – жительница близлежащей деревушки. Неизвестно, хотел ли солдат посвятотатствовать или узаконить церковным браком союз, когда с оравой пьяных сослуживцев силой поволок её в церковь. Хаджи-Мурат тоже принимал участие в этом отвратительном действе. Красноармеец притащил к алтарю рыдающую девчущку под гоготание сотоварищей, но священник, возмущившись святотатством, отказался исполнить обряд и велел толпе не снявших шапки молодчиков немедленно покинуть храм.

Тогда Хаджи-Мурат бесцеремонно вломился в алтарь, схватил нагайку и несколько раз ударил батюшку по лицу...

Венчание не состоялось. А молодой, полный сил священник стал на глазах угасать и спустя короткое время умер: не перенёс унижения и обиды за грехи детей православных.

Его приходская церковь, святая святых, была осквернена!

---

⁴ Имеется в виду Хаджи-Мурат из Дзарахохов – предводитель красноармейских отрядов.

Что-то происходило, рушилось в мире... Тот священник был последним, кто служил в этой церкви.

Сейчас люди приходят, приносят иконы, молятся, пытаются своими силами восстанавливать храм. Хотят, чтобы он был отреставрирован. И среди них, вероятно, есть внуки и правнуки тех красноармейцев; теперь в этом же храме они, возможно, вымаливают прощение за содеянное их дедами и прадедами, не ведавшими тогда, что творили...

Дорога резко спускалась под гору, затем поднималась в угор⁵. Вдали показалась берёзовая аллея: стройные ряды деревьев обрамляли грунтовку⁶ с обеих сторон, а их вершины образовывали симметричный парусный свод, словно вырезанный рукою ландшафтного художника. Эта необычная аллея напоминала природные врата к благословенному месту... Позже мне рассказали жители, что березы там никто не сажал; они появились и выросли сами, создав естественным образом на удивление красивую аллею на подъезде к деревне Веры Алексеевны. Почти в самом конце аллеи, рядом с дорогой, стоял самодельный указатель с названием деревни. Свернув на просёлочную дорогу, я увидела фанерный щит, на котором было написано обращение Веры Алексеевны к «добрым людям» с обозначением дней и времени приёма посетителей; в последние годы она принимала несколь-

---

⁵ Угор – холм, возвышенность (*сев.*).

⁶ Грунтовка – грунтовая дорога.

ко дней в неделю: сказывался почтенный возраст – бабушка уставала, расходуя много сил. Временами она болела и не успевала восстанавливаться.

Метрах в пятистах виднелась и сама деревня Середовина. Чуть поодаль от дороги, среди пустыря, была самоорганизована стоянка для машин, заполненная различными средствами передвижения: от новомодных джипов до уазиков, старой разбитой «копейки» и мотоцикла с коляской.

Величественный кедр-исполин и рядом с ним молодая лиственница росли возле крайнего дома. К нему вела тропа, проложенная среди высокой, по пояс, травы.

Подходя к старому бревенчатому дому в три окна, я увидела много людей, ожидавших приёма Веры Алексеевны.

Жилой дом Веры Алексеевны и на дальнем плане – дом, в котором она принимала посетителей

Жилой дом Веры Алексеевны (справа) и дом, в котором она принимала. Вид сзади.

Люди были разные: молодые, зрелые, пожилые, с детьми... На двери белел приколотый листок со списком очередности. Здесь было принято записываться и ждать, как оказалось, не менее трёх часов; иные же приезжали заранее

и ночевали в деревне.

Записавшись, я решила познакомиться с окрестностями.

Деревня, где жила Вера Алексеевна, старая. Жителей в ней осталось немного: старики поумирали, молодые разъехались. Оставшиеся без хозяев дома тоже стали медленно умирать. Ещё целые и добротные, они расплзались и приседали, медленно уходили в землю, стремясь стать с ней единым целым, – с той землёй, на которой простояли не по одной сотне лет...

Палисадники возле домов превратились в своеобразные заросли, скрывающие медленный уход никому не нужных брошенных строений.

Медленно-медленно умирают эти дома, рассчитанные не на одно поколение при постройке; их старые стены ещё помнят бившую в них ключом жизнь...

В этой необычной деревне – древний дух уходящей старины...

Казалось, старые дома чувствуют, что теряют связь с этим миром, которую опосредованно ощущали через своих жильцов; чувствуют, что в них уже никогда не будут звенеть детские голоса, не раздастся громкий молодой смех, что к их косяку не прикоснутся заботливые руки хозяина, а хозяйка не вымоет по весне их глаза-окна.

От созерцания этой картины печаль стала проникать в мою душу, и я решила посидеть среди людей, ожидающих приёма целительницы.

Очередь продвигалась довольно медленно. Люди общались: пытались друг другу помочь, поддержать. Они питали надежду, что Вера Алексеевна поможет и им.

Жилой дом Веры Алексеевны

«Она всё насквозь видит, – говорил один мужчина другому, – мне сразу всё точно сказала. И увидела, что у меня желчный пузырь удалён, сказала: «У тебя, парень, нет одного органа!» И даже причину назвала. Десять лет назад здесь был – помогло. А теперь вновь здоровье пошатнулось...».

«А вы знаете, она в другом доме живёт, что напротив, а в этом только принимает», – рассказывала какая-то женщина.

«Денег она не берёт, предлагать ей не вздумайте, – напутствовала одна из женщин другую, – только кто что из продуктов принесёт от души: чёрный хлеб, в основном, сахар, чай. Берёт не у всех: она видит, кто с чистым сердцем пришёл. А возьмёт у кого – так раздаст нуждающимся: конфеты

и всякие вкусоности детишкам отдаёт деревенским».

Необычное чувство благоговения и страха, какое посещает в церкви, обуяло меня, когда я зашла в дом, где принимала Вера Алексеевна. Бросилось в глаза, что он срублен из могучего кондового леса огромного диаметра, из какого давно уже не строят. Изнутри чувствовалась сила этого леса. На скамейке, стоявшей для посетителей на мосту, лежали две юбки: для тех женщин, кто не надел. Зашихина принимала в традиционной христианской одежде.

Наступила очередь следующего посетителя, и к Вере Алексеевне повели под руки очень пожилую женщину, у которой, по-видимому, отказали ноги.

Подходил и мой черёд: следом за этой женщиной должна была идти я...

Массивная низенькая дверь в избу открылась, и старушка, которую вели под руки, вышла самостоятельно, прихрамывая и опираясь на костыль.

Подошла моя очередь.

С замирающим сердцем я открыла тяжёлую дверь в избу и робко переступила высокий порог.

В полумраке горело множество восковых свечей у образов православных святых, которыми был заставлен большой деревянный стол. Огромная икона Серафима Саровского, написанная чуть ли не в полный рост, стояла на полу. Воздух в избе был густой, насыщенный запахом горящих свечей.

В красном углу сидела статная, величественная женщина

в платке и переднике; в ней чувствовалась уверенность и сила. Это была Вера Алексеевна.

«Проходи и садись на стул, – велела она мне. – Как твоё имя?»

Я села напротив её на указанный мне стул. Вера Алексеевна внимательно посмотрела на меня проницательным, мудрым взглядом. Перекрестила, зажгла ещё несколько свечей и, долго глядя сквозь пламя, читала молитвы. В те мгновенья у меня было ощущение, что эта бабушка видит моё прошлое и даже читает мысли. Потом она закрыла глаза и, продолжая шептать молитвы, начала делать руками какие-то манипуляции в воздухе вблизи моего тела, как будто соединяя невидимые нити, скрепляла узелки, а иногда что-то «выщепляла» и выбрасывала прочь. Я чувствовала исходящую от неё силу. Затем Вера Алексеевна прочитала ещё какую-то молитву, перекрестила меня вновь и сказала:

«Ступай с Богом! Всё будет хорошо. А конфеты, что ты принесла мне, возьми себе – вместо таблеток. Я их благословила».

Она взяла только хлеб.

Я вышла, ощущая приятную расслабленность, похожую на лёгкое опьянение, и одновременно прилив сил, ликование души и сердца!

На обратном пути до Красноборска меня подвезли посетители Веры Алексеевны. Дорогой мы рассуждали о её удивительном даре, не оставляющем для нас сомнения в том,

что он послан ей свыше, и о силе истинной веры. Необычное состояние не покидало меня весь день.

Аллея на выезде из д. Середовины

Эта первая встреча с Верой Алексеевной, как и все последующие, произвела на меня очень сильное впечатление. Впервые в жизни я встретила с таким человеком. Окунулась в Середовине в атмосферу священной первозданной чистоты и жертвенности. Само время здесь, казалось, замерло, словно столетия не разделяли нас с далёкой былинной Русью...

Я чувствовала, что не раз вернусь в эти места, к удивительной бабушке Вере...

Так и случилось. Раз в год, летом, я старалась посещать Веру Алексеевну. Испытывала необъяснимую внутреннюю потребность ехать в Середовину... Но попасть на приём удавалось не всегда: случалось, целительница болела. Однажды я стала свидетельницей того, как она расстраивалась и даже плакала оттого, что не могла принять посетителей.

Молодая семейная пара приехала издалека. Узнав, что бабушка не принимает, супруги начали ходить вокруг дома, стучать в окна, проявляя настойчивость... Вера Алексеевна вышла на верандочку, приоткрыла дверь. Они стали умолять её принять их. Вера Алексеевна заплакала. Она болела, у неё не было сил. Со слезами на глазах она повторяла этим людям, что не может помочь в таком состоянии...

Для меня каждая встреча с нею была наделена неким высшим, духовным смыслом, являлась откровением. После посещения я чувствовала озарение, подъём. Позже я осознала эти состояния как движения души к прозрению, к просветлению...

Вера Алексеевна приводила в порядок моё тело и душу: очищала её от «копоти», наполняя светом, а тело напитывала жизненной энергией.

Всякий раз она благословляла меня, и я возвращалась от неё с лёгким сердцем и чистыми помыслами. И даже тогда,

когда мне не удавалось попасть на приём, я покидала Середовину с таким светлым чувством, словно бабушка Вера незримо благословила, очистила, помогла, успокоила душу... Было такое ощущение, что само место, на котором стоит её дом, и вся ближайшая округа – благословенны, напитаны молитвой и добрым словом и святой исцеляющей силой, дарующей свет и благодать.

Однажды, глядя на меня сквозь пламя свечи, Вера Алексеевна сказала о каком-то ударе, который я перенесла. В тот момент я не вспомнила о такой ситуации, а после, выйдя от бабушки, долго думала, что же она имела в виду...

Вдруг меня неожиданно осенило: год назад, путешествуя по Пинеге, я угодила в аварию, перевернувшись на лесовозе, и получила многочисленные ушибы, травмы и сотрясение мозга. Потом, лежа в гипсе дома, я вспоминала Веру Алексеевну и думала о том, что она мне поможет.

Когда мама хлопотала в поисках врачей для меня и настаивала на разных обследованиях, я сказала ей: «Летом я поеду на Север, к доброй бабушке-знахарке. Она мне поможет».

Мама спросила: «А где она живет?»

«Она – далеко, в лесах, в чудесном сказочном краю – в Архангельской области».

Вспомнив это, я поняла, о чём говорила мне красноборская бабушка, и поразилась: откуда она могла знать об этом перенесённом мною ударе?!

Приезжая к Вере Алексеевне, я всегда хотела поговорить с ней, но её суровый вид меня останавливал, и я не решалась задерживать целительницу, зная, что за мной ещё столько людей ожидают её помощи...

* * *

Моя последняя встреча с Верой Алексеевной состоялась в июне 2010 года, за два месяца до её смерти.

Обычно она была немногословной; ей тоже не задавали лишних вопросов: слишком строгой и даже суровой казалась Вера Алексеевна. Но в последнюю нашу встречу она вдруг сама захотела поделиться со мной сокровенным и начала разговор, который продлился больше часа. Это был мой последний разговор с Верой Алексеевной. В нём эта удивительная женщина открыла мне свою душу, поведала то, что, возможно, не говорила никому, даже предсказала собственную смерть и дала мне поручение, которое я пообещала ей выполнить.

И только спустя годы, когда стало явню то, о чём она говорила, ко мне пришло осознание того, кем была эта простая, дивная душой русская северная женщина.

...В тот день я попала к Зашихиной «случайно»: она не принимала, но не смогла отказать родственникам с детьми и приехавшей издалека женщине. Она приняла их в своём зелёном жилом доме.

Я решила подождать на улице. Сидя на лавочке, я любовалась отделкой дома Веры Алексеевны: красивыми витыми колоннами у входа, резными наличниками на окнах и чувствовала разливавшуюся в душе гармонию... Со мной была знакомая из Архангельска, молодая учительница рисования, Ирина Ш., страдавшая несколько лет гинекологическим заболеванием.

«Заходите. Вера Алексеевна сказала, что вас примет», – обратилась вышедшая от нее последняя посетительница.

«Откуда она обо мне узнала?» – подумала я удивлённо: ни меня, ни мою знакомую целительница не могла увидеть из окна.

«Не удивляйтесь: она же всё видит, даже болезнь видит на расстоянии. Она так своего сына спасала. Долго не принимала тогда: все силы у неё уходили на его лечение. На расстоянии лечить труднее», – словно прочитав мои мысли, сказала женщина.

Первой отправилась к Вере Алексеевне Ирина. Она пробыла недолго и вышла задумчивая и отрешённая. На её лице я заметила спокойствие и тихую радость. Позже я узнала от Ирины, что после поездки к Вере Алексеевне застарелый недуг перестал её беспокоить.

Я зашла в дом. В этом доме я оказалась впервые; прежде только любовалась им снаружи. В горнице было светло и чисто, висели иконы, белела русская печь; в красном углу стояло старинное потемневшее зеркало, испещрённое множе-

ством царапин и больше напоминавшее лист металла.

Вера Алексеевна сидела у окна на деревянной скамейке, как обычно, в платке и переднике. Перед ней на столе стояли иконы и свечи. У окна – палочка. Целительница указала мне на стул напротив, зажгла свечу и, как и прежде, пронзила меня взглядом, словно сканировала. В такие моменты я всегда ощущала себя как под рентгеновским лучом; наступало оцепенение, пропадал дар речи; я знала, что Вера Алексеевна видит меня насквозь, все мои недуги и помыслы... Потом она смотрела сквозь пламя свечей и молилась, крестила меня, крестилась сама, что-то творила руками в воздухе в нескольких сантиметрах от моего тела: как будто подкручивала невидимые «винтики», проверяла «на прочность» узелки, а появившийся сор «отсоединяла», выбрасывала прочь и снова молилась.

Подлечив меня, Вера Алексеевна не торопилась прощаться. Мне тоже не хотелось уходить от неё. Неожиданно она со мной заговорила. Поймав мой взгляд, обращённый к старинному зеркалу, Вера Алексеевна принялась рассказывать мне его историю.

«Однажды во время сильной грозы в наше окно влетела шаровая молния. Синий светящийся шарик на моих глазах мгновенно пробежал по полу избы и ушёл в землю. Муж мой покойный так и застыл на месте: слова сказать не мог от неожиданности. Зеркало то, что ты видишь, стояло на этом же самом месте. В него ударила молния; остались следы. С

тех пор для меня оно стало святым, как икона: сам Илья Гро-
мовержец его зарядил! Я подхожу к нему и молюсь, а когда
слаба или болею, прикасаюсь к зеркалу – и силы начинают
приходить ко мне. Это Илья Пророк помогает: в этом зерка-
ле осталась его святая сила. И, пока я жива, оно будет стоять
здесь».

«Вера Алексеевна, а как к вам пришёл дар врачевания?» –
осмелившись, спросила я.

«Меня к этому готовили. Мне было лет пять, когда ме-
ня посетило первое видение. Было летнее солнечное утро.
Я гуляла в поле, любясь его красотой. И мне было явле-
ние Пресвятой Богородицы. И так хорошо на душе мне тогда
сделалось: непередаваемое чувство какое-то. Я спросила Её:
«Сколько детей у меня будет?» – «Видишь, сколько в этом
поле головок льна? Столько и детей у тебя будет», – был мне
ответ. Так и получилось: все люди, что ко мне приходят за
помощью, – мои дети. Ведь, помогая им, я в ответе за них пе-
ред Богом. Вот так, – закончила эта строгая и одновременно
очень милая бабушка и, немного помолчав, продолжила: –
Меня знакомили со святыми, с травами, учили на скотине:
изнутри показывали болезнь. Ведь я сначала работала в кол-
хозе зоотехником, потом в совхозе техником-осеменителем
коров. И мне на органах забитого скота было показано, какая
бывает боль, отчего. И про болезни рассказывали.

«Я поставил тебя в ту школу, где изучается этот урок», –
было мне сказано самим Иисусом Христом.

А в 1989 году, в перестройку, мне было видение почтальона. Почтальон тот принёс мне бумагу, на которой по-старинному, с ятями было написано так: *«Мысль ту веди, глаголь добро слово, изживёшь зло. Людям будет покой. Я»*. С этим я и иду всю дорогу».

Долго мы проговорили в тот день. Вера Алексеевна не спешила. Наряду с силой её духа, я ощущала в ней необыкновенную душевную мягкость, чуткость и доброту. Я сидела потрясённая и слушала её, боясь пропустить даже слово. Мне открывалась внутренняя красота этой женщины.

«Дивен Бог во святых своих», – вспомнились слова. Я читала и знала из рассказов своей крёстной о божественных людях: об Алексие, человеке Божиим, о матушке Матроне, Валентине Амфитеатрове и других, но впервые в жизни я общалась с таким человеком, вера которого творила чудеса.

Сама эта бабушка была для меня воплощением чуда!

«Родилась я в деревне Ярокурье, Котласского района, близ села Приводино. У бабушки моей была старинная икона, которой она очень дорожила. Когда бабушка умерла, эту икону забрала Фёкла, чужая старушка. Отец не раз посылал меня к Фёкле за брусничкой, когда мы жили на Волоке, и я бежала и всегда видела у неё эту икону в переднем углу. Прошли годы, Фёкла умерла, и я захотела узнать, цел ли тот дом, и найти эту икону.

Одинокий дом доживал свой век, постепенно разрушался. Нигде, даже на чердаке, я не могла найти иконы.

Уже собиралась уходить, как слышу слова: «Вера, возьми! Вера, возьми!» Передо мной – старинный сундук с дырой в крышке. Я его открыла и увидела эту икону».

Вера Алексеевна всегда ощущала связь с Богом, но священный дар открылся ей неожиданно, когда она была уже на пенсии. Она поведала, что в пятьдесят девять лет очень тяжело заболела и думала, что уже не поправится. Но однажды вышла из дома и увидела свою соседку насквозь... С этого началось выздоровление, и начались чудеса, пошла молва, и к ней поехали люди. Обнаружив своё предназначение, Вера Алексеевна начала ездить по церквям и лечить людей.

«В церкви на моей родине в тридцатом году не могли сшить одного креста. Видно, само Всевидящее Око Господне этот Крест держало», – сказала она.

В тот день Вера Алексеевна поделилась со мной ещё одним удивительным откровением из своей жизни.

«В сорок третьем году в Великом Устюге я встретила Иисуса Христа, – неожиданно сказала она. – Там был организован военный госпиталь, и нас отправили ухаживать за ранеными, писать под диктовку письма и посылать их. Тогда, только на семнадцатом году, мне дали паспорт. Я не сразу поняла, какое мне было послано испытание, кто был тот раненый солдат, за которым я ухаживала. Он лежал. Писем писать не просил. А я думала: «Наверное, семья у этого солдата. Если б знать, что свободен, – уж я ни за что не бросила б раненого». Когда он пошёл на поправку, начал ходить

и его стали готовить к выписке, я намеренно перестала ему на глаза попадаться... А однажды случайно увидела его в генеральской форме. Мы, пять девушек-зоотехников, бежали по деревянным мосткам, чтобы посмотреть на того солдата. Он остановился. На нём ремни скрипят новые, в руке – тросточка. А мне, деревенской девушке, стыдно глаза на него поднять. «Ой, наверное, семья у него. Побегу я», – думаю. Поздоровалась с ним и убежала.

А потом, когда стала по церквам ездить, пришла в Устюге на то же самое место.

«Ну, и чего ты стоишь? – слышу. – Это был Я. А ты заметила, какая тросточка у Меня была? – спрашивает. – Я – в тебе, а ты – во Мне. Проси, что хочешь, и Я тебе всё сделаю. Я всегда с тобой» – вот Его слова.

Я встала и пошла.

А теперь я вижу его таким, каким встретила его на том месте – генералом. Это знак того, что всю войну он был в каждом. И придёт такое время, когда наши будущие воины-маршалы будут как двенадцать апостолов», – сказала Вера Алексеевна.

Вспоминала она и о маршале Жукове и особо его выделила; говорила, что его очень чтут на небесах. Упомянула и о Пушкине, о неразгаданном смысле его стихотворений, в которых зашифрована важная информация, пришедшая к поэту от Бога.

Говорила и о политике, о том, что Россию ждут сильные

потрясения. И о том, что скоро родится её заступник, наделённый великою Божьей силой. Божьим словом, молитвой он отстоит нашу богохранимую державу. Вера спасёт её и её людей.

Коснулась Вера Алексеевна и экологии: сказала, что будут проблемы с водой; Северная Двина поменяет русло, и нелегко придётся рыбам в загрязнённых реках...

В тот день в доме Веры Алексеевны я пережила истинное потрясение: она говорила иносказательным языком, картинными образами, при этом оперируя масштабами Вселенной, духовно-философскими понятиями и категориями; речь шла о глобальных проблемах мироздания, о взаимоотношениях человека и Бога, о космосе и судьбах нашей страны...

Слушая её, я чувствовала, что мне приоткрывается великая тайна светлой человеческой души этой избранной женщины, причастной к духовному пространству.

Вера Алексеевна говорила о необычных людях, которые приезжают к ней и пишут ей из разных стран: про тибетских лам, девушку из Австралии и ученицу Джуны из Москвы; две последние её посещали. Мне открывалось столько содержательной информации, что, к сожалению, многое не удалось запомнить.

В конце нашего разговора Вера Алексеевна рассказала вкратце и о судьбах своих родных. Она говорила о них с теплотой и любовью. Двоих из её пятерых сыновей уже не было

В ЖИВЫХ...

Напоследок она поделилась со мной неожиданным откровением: «У меня должен был быть ещё один ребёнок, но он не родился... Этот ребёнок всегда со мной...». Вера Алексеевна достала из кармана передника икону Казанской Божьей Матери с Младенцем и положила передо мной на стол: «Эту икону я всегда ношу с собой, везде, даже в баню – в память о моём неродившемся шестом ребёнке...».

Узнав о том, что я пишу о людях Русского Севера, она запретила мне писать о ней при её жизни.

«Я скоро умру. Мне осталось истопить всего две бани. Для одной я уже дрова приготовила... Когда меня не станет, можешь написать обо мне. Я тебя благословляю. Я никому не говорила этого. Ты дашь объявление с просьбой, кто ко мне обращался, рассказать свою историю. Ко мне многие отовсюду, даже из Австралии, приезжали. Сделаешь это? – спросила Вера Алексеевна и предупредила: – Будет непросто. Будут препятствия».

И, глядя в глаза этой бабушки, я дала ей слово написать о ней книгу.

«Я благословлю твою руку», – сказала целительница и перекрестила с молитвой мою правую кисть.

«Вера Алексеевна, я приеду к вам в сентябре, и мы всё обсудим, можно?» – попросила я, уже не представлявшая свою жизнь без встреч с этой бабушкой.

«Ты думаешь, я ещё буду жива? – улыбнулась старуш-

ка-знахарка. – Да я всё тебе и рассказала. Больше ничего не добавлю».

Что означали эти «две бани», я поняла позднее. Вера Алексеевна знала, когда она умрёт. Я была у неё в конце июня, а не стало её в сентябре. «Две бани» – это два месяца: июль и август.

Догадалась я и о том, почему она запретила писать о себе, пока жива: о таких людях при их жизни не пишут.

«Я буду и оттуда помогать вам, как Матрона Московская. Придёте, подержитесь за крестик, зажжёте свечку, попросите. И я, что смогу, всё сделаю», – прежде чем отпустить меня, добавила Вера Алексеевна.

Я попросила разрешения её сфотографировать, и она нехотя позволила, предупредив, что её снимки получаются не у всех. У меня получились.

Я вышла озарённая, неся в душе новое наполнение, словно невидимый драгоценный сосуд... Эта последняя встреча с Верой Алексеевной для меня обрела священный смысл. С годами она становится всё ценнее: я прибегаю мысленно к Вере Алексеевне, и мне открывается незримый канал: она всегда рядом!.. Эта женщина освятила мою жизнь, подарила возможность по-другому видеть мир, людей... И постепенно обнажается великий сакральный смысл её слов, которые до конца ещё не разгаданы...

Я покидала Веру Алексеевну, получив от нее благословение. Теперь написать о ней я считала своим долгом.

* * *

В октябре 2010 года, ожидая паром на Красноборской пристани, я узнала о том, что Веры Алексеевны не стало...

Я испытала шок: невозможно было представить, что её нет и что к ней уже не приехать.

Церковь в Белой Слуде

Трудно было свыкнуться с этой мыслью... «Не может быть, что Веры Алексеевны нет! Как же так?..» – повторяла я про себя. Умом я осознавала, но была не в силах смириться в душе с этим известием.

«Приходите на мою могилу: я буду помогать вам», – вспомнились слова Веры Алексеевны.

... В тот день я посетила её могилу. Веру Алексеевну похоронили возле церкви в Белой Слуде, чуть в стороне от фа-

мильного захоронения на кладбище, как она и предсказывала, ближе к храму. В этот храм заходили люди по пути к Вере Алексеевне, ставили свечи, молились. Теперь в нём будут молиться о ней, врачевавшей их, и приходить на её могилу. Мимо неё невозможно пройти или не заметить по пути в храм.

Стоя у креста на могиле Веры Алексеевны, я чувствовала умиротворение и покой. У меня было ощущение, будто я общаюсь с ней. Раньше я приезжала к ней живой, теперь же стараюсь хотя бы раз в году побывать на её могиле. И всегда там меня посещает божественная благодать и удивительное чувство, словно бабушка Вера всё слышит и помогает. Обратная дорога бывает лёгкой и удачной.

За долгие годы целительской практики Вера Алексеевна помогла очень многим людям. Она врачевала тело и душу,

приводила людей к вере.

Можно по-разному относиться к таким бабушкам и их дару. Обращаться к ним или нет, каждый решает для себя сам. Как известно, Православная Церковь относится с недоверием к народным целителям и их деятельности. На это, безусловно, есть основания: под видом народных врачей в большинстве случаев скрываются шарлатаны и люди, прибегающие к магическим действиям и ритуалам. Но есть и истинные целители, которые с чистой душой и искренней молитвой выполняют своё жизненное предназначение, определённое им свыше. Далеко не сразу были признаны Церковью и официально канонизированы некоторые святые.

Святая блаженная Валентина (Феодоровна) Сулковская (Минская) (1888–1966) на протяжении многих лет помогала людям, а к лику святых была причислена только в 2006 году Синодом Белорусской Православной Церкви. Не сразу были признаны святыми Матрона Московская и Ксения Петербургская. Судьбы этих святых чем-то похожи.

«И иных Бог поставил в Церкви, во-первых, Апостолами, во-вторых, пророками, в-третьих, учителями; далее, иным дал силы чудодейственные, также дары исцелений, вспоможения, управления, разные языки» (1 Кор. 12:28).

В жизни есть вещи, не требующие логического доказательства в силу своей природы. Они лежат в иной системе координат и постигаются посредством интуиции, чувства и веры. Они столь же недоказуемы, как аксиомы.

Такой истиной для меня является божественная природа целительского дара Веры Алексеевны. То, что Вера Алексеевна Зашихина – человек от Бога, у меня не вызывало сомнений с момента первой встречи с нею. Стоило посмотреть ей в глаза, чтобы почувствовать это.

Возможно, её дар имеет и научное объяснение. Как знать, может быть, эта деревенская бабушка, работавшая зоотехником, каким-то непостижимым для нас образом была связана с торсионными полями и тонкой земной энергией, с эгрегорами? Может, она выходила в астрал, соединялась с информационным полем Земли? Как знать...

Кстати, до того, как Ньютону упало пресловутое яблоко на макушку, законы земного притяжения не были сформулированы, но они существовали! Как знать, что происходило с Верой Алексеевной, когда она сквозь пламя свечи смотрела на очередного посетителя...

Жительница посёлка Шипицыно, Ольга Анатольевна Антонова, по специальности физик, рассуждая о даре Веры Алексеевны, говорит так: «Человеческий организм состоит, как известно, из положительных и отрицательных частиц. Каждая частица окружена электрическими магнитными полями. Когда у человека начинает болеть какой-то орган, на нём откладываются отрицательно заряженные частицы. И получается, что у больного органа более высокая плотность электромагнитного поля.

У нас на подушечках пальцев – скопление энергетических

частиц, и, следовательно, тоже образуется большая плотность энергии электромагнитного поля. И есть люди, как Вера Алексеевна, которые способны своим электромагнитным полем чувствовать электромагнитное поле другого человека. Им удаётся ощутить повышенную плотность электромагнитного поля в больных местах».

В своих размышлениях Ольга Анатольевна ориентируется на научный подход, но он не вполне себя здесь оправдывает.

Развитие высоких технологий в наше время сближает науку и религию. И я полагаю, что одно объяснение не может исключать другого, скорее, дополняет оное, ибо предмет постижения един; наука и религия освещают лишь разные его стороны, подобно разноцветным сторонам кубика Рубика или граням многогранника.

Безусловно, научное объяснение интересно, но оно работает лишь отчасти, ибо возникает вопрос: если при помощи электромагнитного поля Вера Алексеевна диагностировала болезни, то каким образом она избавляла от них людей? Ответ на этот вопрос наука не даёт.

Много раз я мысленно возвращаюсь к последнему разговору с Верой Алексеевной; в ходе работы над книгой узнавала всё больше и больше о её жизни и о тех чудесах, которые она творила. После выхода в свет первого издания книги сын Веры Алексеевны – Александр Зашихин – приоткрыл мне некоторые тайны её жизни. Он поведал о духовных веригах, которые она постоянно носила; одной из них был ежеднев-

ный пост. Она вставала, молилась и уходила принимать людей натошак, не позволяя себе даже чашки чая...

Это ещё раз подтверждает, что Вере Алексеевне было уготовано нести такое служение, которое простому человеку не под силу, и было дано видеть то, что не дано обычным людям. По словам Александра, ей требовались фотографии в полный рост, так как она, увидев диагноз, нажимала на определённые точки и обращалась к тому или иному святому или великомученику.

Фотография должна была быть свежей, сделанной в тот период, когда человек болел.

Время снимка было очень важно.

Конечно, Вера Алексеевна могла помочь не всем. И не все шли к ней. Она брала на себя чужую боль. Если говорят, что человек должен отстрадать, а его страдания уходят, возникает вопрос: куда девается боль? Ответ ясен: снимая боль, Вера Алексеевна брала её на себя; она молилась за людей перед Богом, истощая себя. Она просветляла их души и получала в награду для них исцеление...

«Без этого человека мы бы не выжили», «Своим спасением я обязана Вере Алексеевне», «Она открыла мне истинную веру, через эту женщину я пришла к Богу», «Теперь у меня две матери: та, что родила, и Вера Алексеевна, и я всегда две свечки ставлю: за мать и за неё» – так говорят о ней люди из разных уголков страны.

Родилась Вера Алексеевна Зашихина 20 ноября 1927 года в деревне Ярокурье (Пановском), вблизи села Приводина, Котласского района Архангельской губернии, в семье Алексея Ивановича и Клавдии Тимофеевны Чернолицких. Из всех троих детей Вера была старшей. Отец ходил капитаном на речных судах. Для Веры он был примером, наставником и учителем.

После школы Вера Алексеевна закончила училище в Великом Устюге по специальности зоотехник, осеменитель скота и поступила на работу в совхоз «Красноборский». Спустя какое-то время она вышла замуж за Александра Дмитриевича Зашихина, вернувшегося с Великой Отечественной войны инвалидом, переехала к нему в деревню Середовину и устроилась в совхоз «Белослудский».

Вера Алексеевна отличалась огромным трудолюбием: помимо работы в совхозе ходила по домам, лечила скот. Она и сама держала скотину, кур, пчёл, вела домашнее хозяйство, косила, собирала лечебные травы, увлекалась резьбой по дереву. От родных Веры Алексеевны я узнала, что узоры на наличниках её жилого дома – заслуга её рук. По словам Александра Зашихина, эти узоры из Библии. Они защищают дом и несут религиозный смысл, который можно расшифровать по церковным книгам. Она вырезала их сапожным ножом в

полнолуние из старых досок.

На долю Веры Алексеевны выпала нелёгкая участь. Жизнь мужа, Александра Дмитриевича, рано оборвалась. Она осталась с малолетним сыном Николаем на руках в доме свекрови. Приходилось несладко. Из армии вернулся младший брат Александра Дмитриевича, Николай, и сделал Вере Алексеевне предложение стать его женой. Она согласилась, но её жизнь не стала легче.

В браке родилось четверо сыновей: Владимир, Алексей, Анатолий и Александр. Вскоре новое несчастье: трагически погибает старший сын Николай, уже успев жениться и родить сына и дочь. Горести, тяготы и новые потери ожидают Веру Алексеевну... Эта женщина не только смогла выстоять, но давала силы другим – жить, терпеть и молиться... Чем же держалась она сама, что крепило её дух? Ответ на этот вопрос кроется в самой её жизни.

Осмысливая путь этой женщины, я пришла к выводу, что её жизнь во многом напоминает житие: видения, вещие сны, откровения, посещавшие её с самого раннего детства; общение со святыми, чудесный дар, предвидение событий, в том числе собственной смерти; образ жизни аскета и молитвенника. Даже такой эпизод из жизни Веры Алексеевны, как повторное замужество с братом покойного супруга, отсылает к Ветхому Завету, где говорится о надлежащей праведности подобного поступка.

Одевалась Вера Алексеевна очень строго и скромно: пла-

ток, передник, старая телогрейка... Однажды, как рассказал Александр Зашихин, она оделась нарядно и вдруг слышит голос: «Что нарядилась? Перед кем ты нарядилась?» Она стала молиться, прощения просить перед Богом: «Прости меня, Господи, прости меня...» И с той поры стала всегда носить простую деревенскую одежду.

Вера Алексеевна всегда ощущала присутствие Бога в своей жизни, она постоянно общалась с высшим миром. Ей было дано не только врачевать, но и предвидеть некоторые события, молитвой предотвращать назревающие катаклизмы и несчастья... В это трудно поверить: само явление такой бабушки представляется чудом. Но люди, бесчисленное множество людей, которым она помогла, знают об этих чудесных исцелениях и хранят бесконечную благодарность этой женщине – Вере Алексеевне Зашихиной! Её дар – одно из чудес Русского Севера, края щедрости и могущества, края, приближенного к небу, к Богу...

Веры Алексеевны не стало. Но она не ушла от нас; все её духовные чада остались под её незримым покровительством. И чудеса продолжаются: люди приходят, приезжают из дальних городов на её могилу – и получают помощь.

В трудные моменты я сама обращаюсь к ней за помощью и благословением и всегда чувствую её участие и присутствие в своей жизни.

После выхода первого издания книги мне позвонила жительница деревни Борок, близко знавшая Веру Алексеевну,

Валентина Павловна Зашихина, и поведала такой случай: «Недавно ко мне пришла соседка Нина Леонидовна Лавренёва и рассказывает. Заболела сильно: давление, общее состояние плохое. Взяла книгу о Вере Алексеевне и стала на её фотографию молиться: смотрит на фотопортрет, молитвы читает и просит целительницу о помощи. А ночью ей Вера Алексеевна явилась во сне, причём никогда раньше она

Нине не снилась. Сон был такой: будто чувствует соседка, что кто-то на неё смотрит. Видит, Вера Алексеевна! Подошла к ней сзади, обняла за плечи и говорит: «Давай я тебя полечу». Проснулась с хорошим самочувствием и прекрасным давлением. После этого сна давление нормализовалось. Вот так Вера Алексеевна и через книгу помогает!» Услышав этот рассказ, я ещё раз убедилась в неслучайности великой духовной миссии Веры Алексеевны Зашихиной.

Осознав всё, что связано с этой замечательной женщиной, я почитаю её как сподвижницу Божию и посвящаю ей эту книгу.

«Никогда не забудем эту женщину! <...> Для нас этот человек – святой. И книга о ней должна быть в каждом доме» – этими словами северянка Ангелина Лаврентьева выразила мнение многих.

Я обращаюсь ко всем, кто посещал великую северную целительницу, был знаком с ней лично или о ней слышал: люди, не забывайте Веру Алексеевну! Поминайте её в церквах, приходите на её могилу, помолитесь о той, кто молился о вас

и в ином мире молится сейчас!

* * *

Замечательный северный писатель, уроженец Архангельской области Владимир Личутин в эссе «Душа неизъяснимая»⁷, рассуждая о женщинах-спасительницах Руси, на примере образов из фильмов Клавдии Хорошавиной выделяет особо Веру Алексеевну. Он рассматривает явление этой сильной духом, просветлённой, не от мира сего женщины в плане философском, охватывающем понятие Руси, русской жизни, русского характера. Личутин связывает образ этой северной знахарки – хранительницы традиционных христианских ценностей с понятием ВЕРЫ, столь много значащей для русского человека; рассуждает об особенностях его национального самосознания.

Соглашаясь с Личутиным, хочу заметить, что само рождение Веры Алексеевны – женщины, отмеченной Богом, на Русском Севере, «святой обители природы», как сказал об этих землях Николай Рубцов в одном из своих стихотворений⁸, – видится мне не случайным.

Север – нечто большее, чем природный край или сторона света; он подобен живому существу, наделённому сверхсилой, величием, определённой властью. Северу присуще то,

---

⁷ В. Личутин. Душа неизъяснимая. – «Завтра», 23 марта 2005 г., № 12 (591).

⁸ Н. Рубцов. В святой обители природы.

что характеризует развитое живое создание: у него есть свой дух и своя «телесность»; он способен вершить судьбы и выносить нравственные оценки, а значит, обладает определённым сознанием и философией.

Сакральность⁹ и мистицизм – его отличительные черты. «Север – это метафизическое явление, существующее в ином плане бытия, доступном человеческому (земному, здешнему) восприятию только в особом экстатическом состоянии прорыва, выхождения из себя, достигаемом в мистическом озарении. Мистицизм Севера скрыт в его запретности, недоступности, неподвластной законам «земного тяготения». Мистика Севера невыразима в понятийно-рассудочной форме, в сухих построениях логического мышления. Стихия Севера открывается человеку лишь в состоянии особого синергического настроения его души, в экстатическом устремлении, в мифопоэтическом творчестве. Поэтому не случайно, что Север – это край Шаманов и Поэтов, творцов и хранителей его заповедной сокровенной тайны»¹⁰, – пишет профессор Н. М. Терехихин.

Ф. Шеллинг в своём видении «четырёх сторон света философии» связывает Север с идеализмом: «... в системе координат сакральной географии движение на Север воспри-

---

⁹ Сакральный [от лат. sacer (sacri) – священный] – здесь: относящийся к вере, религиозному культу.

¹⁰ Терехихин Н.М. Метафизика Севера. Монография. – Архангельск, Поморский ун-т, 2004. С. 140.

нимается как восхождение на вершину мировой горы, к центру мира, к небу и Богу, а обратное направление к югу расценивается как нисхождение в глубины ада...»¹¹.

Как верно замечает Н. М. Теребихин, «<...> Поморье – это душа России, то запредельное северное пространство, где решаются все последние вопросы русской идеи <...>. «Зов Севера» для русского народа – это зов его собственной души...»¹².

Принимая во внимание эти высказывания, я думаю, можно говорить о неслучайности глубинных связей явления Веры Алексеевны с Русским Севером, её веры и веры людей ей, её видений и её целительского дара.

Привожу текст эссе Владимира Личутина¹³.

* * *

«Архангельский режиссёр Клавдия Хорошавина сняла серию замечательных фильмов о Русском Севере. Даже не верится, ибо «тоскующие» московские журналисты наши души заилили унынием, всю плешь проели своим скепсисом, дескать, Русь катится в тартарары, народ изредился и выро-

---

¹¹ Теребихин Н.М. Метафизика Севера. Монография. – Архангельск, Поморский ун-т, 2004. С. 70.

¹² Там же, с. 43.

¹³ Цит. по: В. Личутин. Душа неизъяснимая. – «Завтра», 23 марта 2005 г., № 12 (591).

дился, впал в неуёмную пьянь и лень, и как залёт с революции семнадцатого года на русскую печь, так и слезать не хочет, только переваливается с боку на бок, продирая глаза лишь для того, чтобы потянуться за бутылкой. А когда изо дня в день оглушающе воют нам в ухо толковщики-переметчики и чёрная немочь о бессмысленной русской жизни, то и невольно поверишь, что последние дни настали на дворе.

Но Клавдия Хорошавина с любовным сердцем поглядела в Русь – и обнаружила столько прекрасных душевных людей, кто и о пользе Отечества печётся, и семью свою пестует, и душу строит, и с Богом советуется, и в грядущее пытается проникнуть благочестивым взором, – и вот, всматриваясь в эти светлые лица, в этот бесконечный поток жизни на экране, невольно как бы живой водой омоешься и Русь нашу святую увидишь трезвым рачительным взглядом. Временщики их принуждают выживать, а они – живут; их гнут через коленку, а они – не ломаются; крестьянские лица полны достоинства, глаза – любви и северной строгой прямоты, как бы спрашивают с экрана: не солжёшь ли, не с кривой ли душой прибыл к ним?

Они деятельны, и руки их постоянно ищут заботы. Мужики затейливы во всяком ремесле, бабы-певуньи и стряпухи, уж года вроде поджимают, а глаза не обмелели... Вельск и Виледь, Каргополь и Онега, Лешуконье и Мезень. Русские коренные вотчины, где выстоялся особенный национальный характер, но вот эти-то земли и хотят запустошить, а на-

род согнать с исторических палестин. Но чем большее насилие от кремлёвских очарователей, чем невыносимее гнет, тем сильнее жажда сопротивления, внутреннее упорство. Пьют? – да, но и душою-то плачут, страждут, что пьют, и болезни своей не рады. Вросли в землю кореньем, будто цепями прикованы. Один «грех» нестерпимый тешат в себе: торговать не умеют и не хотят, и этой своей национальной привычкою, «лавочной неотёсанностью» особенно нетерпимы и невразумительны для устроителей земного рая для избранных.

Удивительна по силе воздействия картина. За столом – крестьянин, крепкий и весь какой-то ладно скроенный, не изгорбаченный, не скособоченный, не изморщиненный, без привычных клешнятых ладоней плотника-отходника, а рядом мостятся шестеро сыновей, как на подбор, целая дружина, парни головастые, плечистые, этакие боровики-толстокореньши без единой червивинки. Тут же и мать, мудрая женщина со светлым взором, речистая. Говорит: «Надо так семью строить, чтобы дети уже до двенадцати лет наработались. Только труд воспитывает и крепит человека, без работы человек изгнивает, ещё не вырастая. А другой науки не придумано. Вот внушают нам, дескать, всё для детей, всё для них. А я учу своих: дети – всё для родителей... Дети должны быть поклончивы перед нами... Вот сыновья мне купили путёвку в санаторий. Мама, поезжай, отдохни. Я говорю, спасибо, детки. И поехала. Мне хорошо было, а деткам моим

и того сердечней, что мамке подноровили, добро сделали».

Порою невольно воскликнешь, глядя на разбой и разор в стране: эх, заскорбели мы умом, оплошали, помрачились, не разглядели сразу недотыкомку, близко подпустили подпазушного клеща к народному телу, захворали; но зачем же прежде времени в смертную постелью валиться?

А не стоит ли, братцы, озаботиться собою и ближней роднею и, потиху устроая, укрепляя переменчивый мир, двинуться дальше по большаку в своё будущее, уготованное Богом для каждого народа. Если впереди много исторического времени, то и не стоит торопиться, ибо всегда успеешь совершить всё заповеданное; но если последний срок подошёл, – тем более не надо спешить, но озаботиться о своей душе. А нас торопят, подталкивают закоперщики лиха ко краю, нас улещивают сладкими словами, дескать, как мирно и ладно лежать в могилке-то; но мы не поддадимся обманчивым посулам, но растопыримся локтями и саму чёрную немочь, что грает над нами, сживем со свету в ямку...

Как ни грустно помыслить, но простой народ даже в Боге живёт от нас, умственников, как бы осторонь, не припускает к себе близко, то ли остерегается проказы и обманки, то ли устал от переменчивой господской науки.

Деревня к Богу подходит просто, без особого искуса и литературного тумана, не старается проткнуться в сердцевину книжной веры, чтобы не ошалеть, не задохнуться в ней.

По их беззатейной православной вере восседает вживе в

небесной горенке бородатый Дедко, сам Бог Саваоф, а возле на лавке притулились Иисус Христос со Святым Духом и дозируют с горних вышин за тобою, чтобы не сблудил ты, не оплошал.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.